

Алексей Будищев

Разные понятия

Алексей Николаевич Будищев

Разные понятия

Аннотация

«Моросит мелкий осенний дождь. В саду между голыми деревьями свистит ветер. Вымокший дворик Бахмутовского флигеля весь затоплен тусклыми сумерками, как пруд мутною водою. В этой бесцветной мгле осенних сумерек все предметы посерели и даже изменили очертания. Перевернутая вверх колесами телега походит теперь на китайский домик, а понуро сидящая на крыльце собака на индийского идола. Можно подумать, что Бахмутовский дворик простужен осенними ветрами и дождем и тяжело бредит. За двориком, обнесенным покачнувшимся тыном, висится скелет большого каменного дома; его железная крыша содрана с решетин; это старый Бахмутовский дом; ветер свободно гуляет по дому, проникая сквозь черные отверстия вынутых окон, и старый дом издает протяжные и жалобные звуки. В саду, кое-где на полянах, торчат такие же скелеты полуразрушенных теплиц и оранжерей; ветер гуляет и там и все эти развалины точно перекликаются между собою, как часовые, гудят и стонут. А два окна маленького флигеля скупо светятся...»

Алексей Будищев

Разные понятия

Моросит мелкий осенний дождь. В саду между голыми деревьями свистит ветер. Вымокший дворик Бахмутовского флигеля весь затоплен тусклыми сумерками, как пруд мутною водою. В этой бесцветной мгле осенних сумерек все предметы посерели и даже изменили очертания. Перевернутая вверх колесами телега ходит теперь на китайский домик, а понуро сидящая на крыльце собака на индийского идола. Можно подумать, что Бахмутовский дворик простужен осенними ветрами и дождем и тяжело бредит. За двориком, обнесенным покачнувшимся тыном, висится скелет большого каменного дома; его железная крыша содрана с решетин; это старый Бахмутовский дом; ветер свободно гуляет по дому, проникая сквозь черные отверстия вынутых окон, и старый дом издает протяжные и жалобные звуки. В саду, кое-где на полянах, торчат такие же скелеты полуразрушенных теплиц и оранжерей; ветер гуляет и там и все эти развалины точно перекликаются между собою, как часовые, гудят и стонут. А два окна маленького флигеля слабо светятся. Там за столом с обгорелыми от утюгов краями сидит Бахмутовская кухарка Устинька и проходящая странница Ироида. Маленькая лампочка тускло озаряет их фигуры. Ироида чинит казинетовый шушун, побывавший и в Киеве,

и у Тихона Задонского, и в Соровской пустыне у отца Серафима. Изрытое морщинами лицо Ироиды строго и сосредоточенно. Устинька вяжет чулок. Ее молодое личико худощаво, а в глазах ее страх. Ей двадцать лет и она вот уже два года служит в кухарках у Бахмутовых, бежав из соседнего уезда от зверств мужа. Ироида, ковыряя иглою, шепчет ей «Сказ об Аллилуевой жене». Устинька роняет порою свой чулок на колени и глядит на Ироиду глазами, полными страха. А Ироида шепчет:

– Как родился Христос в Виелееме, как крестился наш Спас в Иордане, антихристы-фарисеи его замечали, злой смерти Христа предать хотели. И кидался наш Спас во келью к Аллилуевой жене милосердной. Аллилуева жена печку топит, на руках своих младенчика держит. И сказал ей Христос, Царь небесный: «Ты послушай меня, Аллилуева жена, ты бросай свое детище во пламя, принимай Меня, Царя небесного, на руки!»! Аллилуева жена милосердна свое детище во пламя бросала, принимала Царя небесного на руки...

– О, Господи, Господи! – шепчет Устинька с глазами, полными ужаса.

В тусклые окна кухни стучит дождь; за тонкою перегородкою, отделяющею кухню от кабинета, слышатся тяжелые шаги старика Бахмутова. Барышни нет дома, она гостит вот уже две недели у тетки в селе Толмазове, и старик Бахмутов скучает по дочери. Он ходит из угла в угол по кабинету, теревит длинные седые усы и порою мурлычет под нос старые кавалерийские песни.

лерийские сигналы. Стены кабинета облуплены, корявые половицы поскрипывают под ногами. У притолки на вытяжку торчит Бахмутовский приказчик Родион Родионыч. Почему он числится приказчиком – трудно сказать, так как у Бахмутова давным-давно уже ничего нет. От его некогда громадного имения осталось сто заложенных и перезаложенных десятин, а от богатой усадьбы – развалины. Но все-таки Родиона Родионыча все зовут приказчиком. Ему лет шестьдесят, он моложе барина, мал ростом и худ; подобострастное выражение застыло на его лице и делает его похожим на маску. Он смотрит в глаза Бахмутова, а тот ходит из угла в угол, шлепая разбитыми туфлями. На барине старая плисовая венгерка и фланелевые шаровары.

– Знаешь ли ты, Родька, – говорит Бахмутов и останавливается: – знаешь ли ты кавалерийский сигнал «в поход»?

Родька прекрасно знает этот сигнал, так как слышал его от барина раз четыреста, но он отрицательно мотает маленькой и седенькой головкой, похожей на серебряный набалдашник. Ему хочется доставить барину удовольствие.

– Сигнал этот в 53-м пелся так, – продолжает Бахмутов и напевает жидким, старческим голосом:

– Всадники-друзи, в поход собираетесь,
Радостный звук вас ко славе зовет.
С бодрым духом храбро сражаетесь.
За царя, родину сладко и смерть принять!

– Хорошо? – добавляет он.

Родька присвистывает губами.

– И-и, до чего чудесно сочинено, скажите пожалуйста!

– Хорошо было в 53-м, – говорит с одушевлением Бахмутов: – лихо в атаку ходили, конь в конь, молодец к молодцу, только этишкеты покачиваются.

– Ты Вознесенский уланский помнишь? – добавляет он: – рыжий, на рыжих он был?

– Господи, как же не помнить, Создатели, – говорит Родька, захлебываясь от радости.

– Хороший был полк, но до нашего далеко, – заявляет Бахмутов.

– До нашего? Господи, отцы... до нашего? Как до неба им до вашего!.. – восклицает Родька, который никогда не служил в военной службе.

– Хм, куды им до нашего! – саркастически ухмыляется он. Лицо Бахмутова делается задумчивым.

– И все это ушло, Родька, – говорит он: – все ушло! Куда это только молодость людская уходит?

Он вопросительно глядит на Родьку, но тот безмолвствует, не зная, что ответить. В маленькой комнате делается тихо. Только дождь и ветер стучат в тусклое окошко и тоже не дают ответа, в те земли, куда уходит людская молодость, они не заглядывали никогда.

Бахмутов начинает молчаливо ходить из угла в угол. Половицы поскрипывают под его шагами и стекло лампы мо-

нотонно потренькивает. Ироида шепчет за перегородкою:

– Прибежали тут антихристы-фарисеи, говорили Аллилуевой жене милосердной: «Ты скажи, Аллилуева жена милосердна, покажи, куда Христа схоронила»?

Отвечает им Аллилуева жена: «Бросила я Христа в печь во пламя»! Антихристы в печь заглянули, Аллилуева младенца увидали, заплясала они, заскакали, заслонкою печь закрывали, из Аллилуевой кельи пропали. Аллилуева жена заслон открывала, слезно плакала горько причитала: «Согрешила я, грешница, согрешила, свое детище, свое милое погубила»!

– О, Господи, Господи, Господи! – шепчет Устинька.

– Хорошее времячко было, – говорит Бахмутов. Он присаживается у стола и задумывается. Ему вспоминаются старые битвы.

Голос Ироиды шепчет за стеною:

– И сказал ой Христос-Владыко: «Ты не плачь, Аллилуева жена, загляни-ка ты в печь во пламя». Заглянула Аллилуева жена во пламя, увидала в печи вертоград райский, в вертограде трава шелковая, по траве младенчик ее гуляет, золотую книгу евангельскую читает, за отца, за мать Бога молит!

– Вот и шушун готов! – добавляет тот же голос.

– О, Господи, Господи, Господи! – вздыхает Устинька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.